

Издательский дом «Плутон»

Научный журнал «Юридический факт»

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431 УДК

378.001

LXX Международная научная конференция
«Свобода и право»

СБОРНИК СТАТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

05 октября 2020

Кемерово

СБОРНИК СТАТЕЙ СЕМИДЕСЯТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СВОБОДА И ПРАВО»

05 октября 2020 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISBN 978-5-6040934-2-9

Кемерово УДК 378.001. Сборник докладов студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. По результатам LXX Международной научной конференции «Свобода и право», 05 октября 2020 г. www.ur-fakt.ru / Редкол.:

Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзугцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

В сборнике представлены материалы докладов по результатам научной конференции.

Цель – привлечение студентов к научной деятельности, формирование навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие инициативы в учебе и будущей деятельности в условиях рыночной экономики.

Для студентов, молодых ученых и преподавателей вузов.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 05.10.2020 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л.3.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. ОБЩИЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН.....	3
Махмудов З.Н.	
2. ВИЗУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	9
Тохтуева Е.А.	
3. ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ.....	22
Египко Н.С.	
4. ОТГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ИНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	26
Черменинов А.Г.	
5. ПЕРЕСМОТР РЕШЕНИЙ АПЕЛЛЯЦИОННЫМИ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ.....	31
Дегтерева Е.А.	

Махмудов Зафар Нарзуллоевич
Makhmudov Zafar Narzulloevich

Адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России
E-mail: zafar8787@inbox.ru

УДК 34

ОБЩИЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

GENERAL CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF ENSURING THE RIGHT TO INFORMATION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Аннотация: В статье автор рассматривает основные гарантии права граждан на информацию, закрепленные в Конституции Республики Таджикистан. Особое внимание уделено положениям, которые определяют политические, экономические и идеологические основания реализации права на информацию. В результате проведенного анализа, автор пришел к выводу, что значение общих гарантий обеспечения права граждан на информацию выражается в том, что развитость политических, социально-экономических и идеологических отношений обеспечивает реальность провозглашенным правам и свободам.

Resume: In this article, the author examines the basic guarantees of the citizens' right to information, enshrined in the Constitution of the Republic of Tajikistan. Particular attention is paid to the provisions that determine the political, economic and ideological grounds for the implementation of the right to information. As a result of the analysis, the author came to the conclusion that the importance of general guarantees of ensuring the right of citizens to information is expressed in the fact that the development of political, socio-economic and ideological relations ensures the reality of the proclaimed rights and freedoms.

Ключевые слова: Конституция, право на информацию, гарантии, классификация, политика, экономика, идеология.

Key words: Constitution, right to information, guarantees, classification, politics, economics, ideology.

Одним из важнейших элементов в процессе обеспечения прав человека в общем, и права граждан на информацию является определение возможностей их гарантирования. Право на информацию относится к той категории прав, для реализации которых требуются активные действия и обязанность государства для их успешного осуществления.

Под гарантиями в юридической литературе понимаются условия и средства, при наличии и с помощью которых обеспечиваются фактическая реализация и всесторонняя охрана прав и свобод всех и каждого человека в отдельности. Их определяют, как «совокупность государственно-правовых условий и средств их осуществления, а также защита»¹. Гарантии прав человека и гражданина в полной мере могут быть реализованы в правовом государстве, где во главу угла ставится личность и все делается во благо и для человека. Как отмечает А.С. Мордовец «правовое государство и его законодательство призваны... служить задачам обеспечения человеку достойной жизни, утверждать в обществе принципы гуманизма и справедливости»². Иными словами, гарантии охватывают все направления обеспечения прав человека, т.е. их основное предназначение – это содействие полной реализации и защиты прав и свобод человека. Как верно отмечает Б. С. Эбзеев, «права человека адекватны всякому демократически организованному обществу, и государство, претендующее на то, чтобы называться правовым, не вправе, а обязано в своем законодательстве предусмотреть и реально

¹ Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976. – С.56

² Мордовец А. С. Гарантии прав личности: понятие и классификация // Теория государства и права / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2001. – С.284.

гарантировать юридическими и иными средствами эти права, которые в силу конституционного закрепления приобретают характер субъективных юридических прав»³ Верную характеристику гарантий прав человека даёт Г.Н. Комкова, которая указывает, что «основное назначение гарантий состоит в том, чтобы заставить государство исполнять свои обязанности в сфере реализации прав граждан. Реальность прав и свобод проявляется через реальность их гарантий»⁴.

О важной роли гарантий в процессе обеспечения прав и свобод человека свидетельствует и его конституционное закрепление. Статья 17 Конституции Республики Таджикистан устанавливает, что «государство гарантирует права и свободы каждого, независимо от его национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, политических убеждений, образования, социального и имущественного положения»⁵.

Л. Н. Федорова считает, что «права человека только тогда превращаются в реальную ценность, когда они гарантированы, т. е. все субъективные права неразрывно связаны с гарантиями, и без них утрачивается квинтэссенция содержания прав как обеспеченной возможности получения индивидом определенных благ; последнее соответственно предполагает установление такого правового режима, при котором несоблюдение прав человека (или пренебрежительное отношение к ним) становится невыгодным для общества, его правопорядка»⁶.

В современном мире, где активное развитие получили информационные технологии право граждан на информацию является важнейшим элементом формирования политических, экономических и идеологических отношений в государстве. В этой связи, обеспечение гарантий права граждан на информацию должны обеспечивать возможность для полноценной реализации данного права, тем самым закрепляя принцип гласности и открытости в деятельности государства провозглашающее себя правовым и демократическим.

При исследовании вопросов гарантированности прав человека, в общем и права на информацию в частности для начала следует определиться с самим понятием гарантии прав человека и их классификации.

По данному вопросу как в российской так и отечественной науке конституционного права существуют различные точки зрения. Так, А. С. Мордовец определяет гарантии как «систему социально-экономических, политических, нравственных, юридических, организационных предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов»⁷. В свою очередь, С. А. Авакьян рассматривает гарантии как «материальные, организационные, духовные и правовые условия и предпосылки, делающие реальностью осуществление основных прав и свобод, исполнение обязанностей человека и гражданина и обеспечивающие их охрану от незаконных ограничений и посягательств»⁸. Л.Д. Воеводин считает, что «гарантии, рассматриваемые в конституционном праве, представляют собой фактические условия и средства, включая материальные, политические, идеологические и юридические, которые обеспечивает пользование таким полномочием как действительным, а не мнимым»⁹. Р. И. Иванова в гарантиях прав и свобод человека и гражданина видит закрепленные в Конституции РФ, законах и иных нормативных правовых актах условия и средства, обеспечивающие реальные возможности охраны и беспрепятственного осуществления, включая восстановление, прав и свобод человека и гражданина и надлежащего исполнения обязанностей¹⁰.

Отечественные исследователи также дают различные трактовки понятия гарантии прав человека. Х.О. Ойев определяет гарантии как «систему средств и правовых возможностей определенных законом и другими нормативными актами, которые соответствующим образом

³ Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б. С. Эбзеев. – М. : Норма, 2007. – С. 112.

⁴ Комкова Г. Н. Конституционные гарантии прав человека в России: понятие и классификация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Общественные науки. Право. – № 3 (39), 2016 – С.31

⁵ Конституция РТ от 6.11.1994 г., с посл. измен. и доп. // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 6.0. / М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM).

⁶ Федорова Л. Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 40; Ее же. Функционирование механизма юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина: вопросы теории и практики // Право и жизнь. 2007. № 4.

⁷ Мордовец А. С. Социально-экономические механизмы обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. – С.44.

⁸ Авакьян С.А. Конституционное право России. М.2014. - С. 682–683.

⁹ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – С. 229-230.

¹⁰ Иванова Р. И. Основы конституционного строя // Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996. С. 44.

определяют порядок выполнения прав и обязанностей»¹¹. В свою очередь, А.М. Диноршоев под гарантиями прав человека понимает «условия и средства, обеспечивающие возможность пользоваться правами, установленные Конституцией, международно-правовыми договорами и другими нормативными актами»¹². Широкая трактовка гарантий прав человека даётся С.М. Салохидиновой, которая указывает на два состояния гарантий прав человека: гарантии в статике и гарантии в динамике¹³. Под гарантиями в статике она понимает правовое закрепление гарантий, а гарантией в динамике условия и средства, которые содействуют реализации прав человека. Исходя из этого, она приходит к выводу, что при наличии именно этих двух компонентов гарантий права человека могут быть обеспечены¹⁴.

На основе анализа представленных позиций российских и отечественных ученых можно прийти к выводу, что гарантии прав человека представляют собой совокупность условий, средств и способов при помощи, которых субъективное право человека может быть реализовано на практике. Данное понятие в полной мере относится и к праву граждан на информацию.

Важное значение при исследовании гарантий прав человека имеет их классификация. В науке наиболее общепризнанной классификацией гарантий является их деление на общие гарантии и специальные (юридические), содержащиеся в законах и других нормативных актах. Хотя ряд авторов выделяют ещё и организационные гарантии,¹⁵ характеризующие деятельность различных государственных органов, общественных объединений по защите прав и свобод человека и гражданина. Но не все ученые согласны с существованием организационных гарантий. Так, по мнению С. Ю. Лапина, «организационные гарантии подпадают под определение специальных (юридических) гарантий и выделение их в отдельную группу не требуется»¹⁶

Мы солидарны с позицией авторов, которые подразделяют гарантии прав человека на две группы: – общие и специальные.

К общим гарантиям относятся политические, социально-экономические, идеологические гарантии. Некоторые ученые характеризуют их как «материальные гарантии прав»¹⁷. К специальным гарантиям относят юридические гарантии, вытекающие из законов и других нормативных источников. Данная классификация даёт возможность определить сущностные характеристики реализации прав и свобод человека, в том числе и права граждан на информацию.

Далее в статье остановимся на общих гарантиях права на информацию, которые закреплены в Конституции и законодательстве Республики Таджикистан.

Среди общих гарантий прав человека в общем и права на информацию в частности, выделяются политические гарантии. Они формируются из проводимой государством политики, а также ее направленности на обеспечение и содействие в реализации прав и свобод. Как отмечает В.Е. Чиркин, «основой политических гарантий является власть народа»¹⁸. Иными словами, политические гарантии призваны создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие, обеспечение безопасности народа в целом и каждой личности в частности. Как отмечает отечественный исследователь А.И. Имомов «политические гарантии формируются из политических структур государства, их способности посредством достижения согласия решать сложные общественные вопросы и достижения национального согласия, развития демократических институтов и т.д.»¹⁹. А.В. Зарицкий по этому поводу указывает, что «политические гарантии - это всестороннее развитие и совершенствование политической системы общества, общей системы демократии с основополагающей идеей самоуправления народа, одной из важнейших в теории»²⁰.

¹¹ Ойев Х. О. Энциклопедический словарь конституционного и административного права (на тадж. яз). Под ред. Имомова А.И., Диноршоева А.М. - Душанбе, 2013. - С. 184.

¹² Диноршоев А.М. Права человека. - С. 212.

¹³ Салохидинова С.М. Право на предпринимательскую деятельность в конституционном праве Республики Таджикистан. Душанбе, 2018

¹⁴ Салохидинова С.М. Право на предпринимательскую деятельность в конституционном праве Республики Таджикистан. Душанбе, 2018

¹⁵ Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузов, А.В. Малько. - С. 314.

¹⁶ Лапин С. Ю. Обеспечение доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: информационно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. – С. 124

¹⁷ Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. С. 225.

¹⁸ Чиркин В.Е. Конституционное право в Российской Федерации: учебник. - М.: Юрист, 2001. – С. 176.

¹⁹ Имомов А. Конституционное право Республики Таджикистан (на тадж. яз). – С. 255.

²⁰ Зарицкий А. В. Гарантии прав личности при реализации юридической ответственности (вопросы теории и практики):

Политические гарантии находят свое непосредственное отражение в нормах Конституции и воплощаются в повседневной деятельности государственных органов. Следовательно, в качестве политических гарантий права граждан на информацию могут выступать такие конституционные положения как:

- формирование правового и демократического государства (ст. 1);
- политический и идеологический плюрализм (ст. 8);
- разделение государственной власти (ст.9);
- запрет пропаганды войны (ст.11);
- запрет на сбор, хранение, использование и распространение сведений о личной жизни человека без его на то согласия (ст.23);
- обязанность государственных органов общественных объединений, политических партий и должностных лиц по обеспечению каждого возможности получения и ознакомления с документами, касающимися его прав и интересов (ст.25);
- право каждого гражданина лично или совместно с другими обращаться в государственные органы (ст.31).

Указанные конституционные положения, как по отдельности, так и в совокупности создают основу для формирования открытого и свободного общества и тем самым создает атмосферу, в котором человек имеет возможность реализовывать предоставленные ему право на удовлетворение своих потребностей в получении и распространении информации.

Экономические гарантии призваны обеспечивать материальную основу общества, посредством которого обеспечивается осуществление прав и свобод личности. Данные гарантии вытекают из содержания статьи 12 Конституции РТ, в которой закреплены экономические основы государства, через установление рыночных отношений, развития предпринимательства и защиты всех форм собственности. В этом контексте особое значение имеет тенденция развития экономических отношений в государстве путем изменения инфраструктуры рынка, усиления механизма гарантий и защиты прав собственников, предпринимателей и иных категорий граждан, реализующих свои конституционные права. Формирование соответствующего информационного пространства, создание условий для быстрого получения необходимой информации содействуют в том числе и формированию необходимого инвестиционного климата в стране, поддерживают конкуренции и свободный доступ к рынку и т. д. Достижение указанных целей невозможно без формирования эффективных рычагов защиты экономических отношений, одним из которых и является право граждан на информацию.

Социальные гарантии необходимы для создания равных условий для реализации потенциальных возможностей личности. Они направлены на поддержание социальной стабильности в эпоху рыночных отношений, также на обеспечение каждому достойного уровня жизни. Социальные гарантии также вытекают их содержания Конституции (признание государства социальным, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого человека - ч. 2 ст. 1), поскольку современные конституции, помимо других функций, также выполняют и социальные функции. Социальная функция конституций есть одна из ее главных особенностей и задач, ибо именно конституция, как основной закон, призвана определять пути «социологизации» общества, и тем самым быть первым среди иных нормативных правовых актов в этом процессе и озадачить иные нормативные правовые акты развиваться именно в этом направлении.²¹

Идеологические гарантии состоят из правовой идеологии существующей и поддерживаемой государством, направлены на формирование определенного мировоззрения у членов общества, а также на формирование правовой культуры каждой личности в отдельности, их правового воспитания. Поскольку правовое воспитание призвано быть неотложной задачей государства на этапе переоценки правовых ценностей, смены ориентиров общественного развития, проводимых

дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 1999. С. 16.

²¹ Сулаймонов Ф.С. Конституционные аспекты регулирования отношений собственности в Республике Таджикистан Проблемы правового воспитания и пути их решения // Материалы Международной научно-практической конференции на тему: «Развитие конституционализма в Таджикистане в период независимости» / Под ред. А.М. Диноршоева. – Душанбе: Голд-принт, 2014. – С. 150.

экономических, политических, социальных реформ.²²

Идеологические гарантии могут выражаться в идеологическом многообразии, государственной охране культурных и духовных ценностей, свободное участие в культурной жизни общества, художественном, научном и техническом творчестве, возможностью пользоваться культурными ценностями и т.д.

Исходя из изложенного, можно заключить, что значение общих гарантий обеспечения права граждан на информацию выражается в том, что развитость политических, социально-экономических и идеологических отношений обеспечивает реальность провозглашенным правам и свободам.

Библиографический список:

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. М.2014.
2. Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации.
3. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России.
4. Диноршоев А.М. Права человека. – Душанбе 2011.
5. Зарицкий А. В. Гарантии прав личности при реализации юридической ответственности (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 1999.
6. Иванова Р. И. Основы конституционного строя // Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996.
7. Имомов А. Конституционное право Республики Таджикистан (на тадж. яз). – Душанбе 2017.
8. Комкова Г. Н. Конституционные гарантии прав человека в России: понятие и классификация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Общественные науки. Право. – № 3 (39), 2016
9. Конституция РТ от 6.11.1994 г., с посл. измен. и доп. // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 6.0. / М-во юстиции РТ. - Душанбе, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM).
10. Лапин С. Ю. Обеспечение доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: информационно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
11. Мордовец А. С. Гарантии прав личности: понятие и классификация // Теория государства и права / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2001.
12. Мордовец А. С. Социально-экономические механизмы обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996.
13. Насурдинов Э.С. Проблемы правового воспитания и пути их решения // Материалы Международной научно-практической конференции на тему: «Развитие конституционализма в Таджикистане в период независимости» / Под ред. А.М. Диноршоева. – Душанбе: Голд-принт, 2014.
14. Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976.
15. Салохидинова С.М. Право на предпринимательскую деятельность в конституционном праве Республики Таджикистан. Душанбе, 2018
16. Сулаймонов Ф.С. Конституционные аспекты регулирования отношений собственности в Республике Таджикистан Проблемы правового воспитания и пути их решения // Материалы Международной научно-практической конференции на тему: «Развитие конституционализма в Таджикистане в период независимости» / Под ред. А.М. Диноршоева. – Душанбе: Голд-принт, 2014.
17. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузов, А.В. Малько.
18. Федорова Л. Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 40; Ее же. Функционирование механизма юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина: вопросы теории и практики // Право и жизнь. 2007. № 4.
19. Чиркин В.Е. Конституционное право в Российской Федерации: учебник. - М.: Юристъ, 2001.
20. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б. С. Эбзеев. – М. : Норма, 2007.

²² Насурдинов Э.С. Проблемы правового воспитания и пути их решения // Материалы Международной научно-практической конференции на тему: «Развитие конституционализма в Таджикистане в период независимости» / Под ред. А.М. Диноршоева. – Душанбе: Голд-принт, 2014. – С. 12.

21. Энциклопедический словарь конституционного и административного права (на тадж. яз). Под ред. Имомова А.И., Диноршоева А.М. - Душанбе, 2013.

Тохтуева Елизавета Александровна
Tokhtueva Elizaveta Alexandrovna

Студентка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
факультет права

УДК 340.1

ВИЗУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

VISUAL ASPECTS OF LAW: DEFINING THE PROBLEM

Аннотация: в статье предпринимается попытка осмысления явления визуализации в правовом пространстве; в частности, данный феномен исследуется в семиотическом ключе и этимологическом ключе, автором выявляется его взаимосвязь со смежной категорией правовой коммуникации, приводятся примеры визуальных практик в сфере практической юриспруденции и юридического образования, а также возможные направления дальнейшего использования и внедрения оптических инструментов в правовой дискурс.

Abstract: the article attempts to comprehend the phenomenon of visualization in the legal space; in particular, this phenomenon is studied in a semiotic and etymological way, the author reveals its interrelationship with the related category of legal communication, examples of visual practices in the field of practical jurisprudence and legal education, as well as possible directions for further use and implementation of optical tools in legal discourse are provided.

Ключевые слова: семиотика права, визуализация права, правовая символика, структурная визуализация, правовая коммуникация, мультисенсорное право.

Keywords: semiotics of law, visualization of law, legal symbolism, structural visualization, legal communication, multisensorial law.

Введение

На протяжении многих десятилетий слово выступало ведущим инструментом и неотъемлемой составляющей юридической профессии. Однако в наши дни позволять сложившейся традиции оказывать давление на людей, ориентируя их исключительно на текстовое поле, представляется в корне неверной установкой.

В настоящий момент цифровые оптические информационные средства находят всё более широкое применение в сфере правового регулирования, что, на мой взгляд, связано с цифровизацией правового пространства. Более того, интерес к визуализации юридического контента постоянно растёт как в рамках правового дискурса, так и вне его [32].

Объектом данной работы является семиотика права и понимание права как знаковой системы, в связи с чем предмет исследования составляет, в частности, такой аспект, как отображение правовой информации в визуальном ключе в качестве современной тенденции к правовой коммуникации.

Тема «Визуализация права» призвана преодолеть рамки привычного восприятия правовой сферы как ограниченного изложения на бумаге содержательной составляющей нормативных документов. Отсюда исследовательскую проблему составляет рассмотрение процессов существующего на данный момент и новоявленного направления визуализации права и ее развития в условиях информационного общества. Следует ожидать, что в будущем произойдет качественная переориентация сознания правовых субъектов от текстоориентированного в сторону оптического уяснения семиотического и смыслового наполнения юридических конструкций, то есть изменения способа обработки правовых данных.

Тем не менее при анализе вопроса функционального трактования информационной правовой составляющей можно прийти к выводу, что расширения объёма информации и доступа к ней уже отнюдь не достаточно. Центральный узел противоречий кроется в понимании глубинного контекста правовых моделей. Так, актуальность работы состоит в том, что индивид может иметь неограниченный доступ к информационным ресурсам, но быть бессильным в попытках расшифровать их смысл или осознать степень их важности. Очевидна тенденция к тому, что широкая общественность не в состоянии качественно интерпретировать юридический язык и что коммуникация становится все более визуализированной и быстрой. Данная тема является перспективным направлением современных исследований по причине возникновения термина «Электронное государство», подразумевающего под собой обеспечение информационными

инновационными технологиями деятельности законодательной («электронный парламент»), исполнительной («электронное правительство») и судебной («электронное правосудие») властей.

Новизна данной работы заключается в том, что хотя степень заинтересованности научного сообщества в рассматриваемой теме возрастает в рамках академического дискурса, но ее по-прежнему нельзя считать в должной степени разработанной. Исходя из этого, потенциальное развитие направлений визуального отображения правовой информации служит одним из многообещающих путей стимулирования когнитивного процесса формирования правового сознания посредством, например, инфографики у граждан, в том числе получивших образование по неюридической специальности. Это в свою очередь выступит одним из факторов возникновения самодостаточного, полноценного гражданского общества, что имеет особое значение в уникальных условиях российской правовой действительности.

В научном дискурсивном поле увеличивается объем книг о стиле и типографике для юридических документов, например, «Шрифты. Разработка и использование» [1] или «Типографика для юристов» [24]. Однако имплементацию визуальных и внетекстовых элементов до сих пор по большей части не удостоивают вниманием. Своего рода «гегемония» текстовой трансляции правовой информации и сложность представления ее в формате визуального образа очерчивают дискуссионную природу смыслового наполнения юридических формулировок.

Таким образом, непосредственная цель настоящей статьи – исследовать феномен визуализации информационной правовой составляющей в контексте правовой семиотики и коммуникации применительно к правовой действительности. Данную установку сопровождают такие задачи, как:

- рассмотреть явление семиотики права как основы его оптического отображения;
- обозначить модель процесса визуального восприятия информации;
- соотнести явления правовой символизации и правовой визуализации;
- рассмотреть правовую коммуникацию в качестве условия возникновения явления правовой визуализации;
- проанализировать феномен визуализации в современном научном дискурсе;
- выявить визуальные приемы и проявления визуализации в деятельности правовых субъектов;
- представить некоторые примеры современной правовой визуализации;
- спрогнозировать потенциальные направления ее дальнейшей модификации.

В данной связи проблематику исследования следует рассматривать под углом контекстуального и аспектного подходов. Это в свою очередь предполагает, с одной стороны, учет актуальности вопросов, окружающих тематику настоящей работы, а с другой – заключение разработки проблемы в концептологические рамки. В нашем случае данное обрамление заключается в большинстве своем во взглядах А. В. Полякова [2; 3; 4], пионера в области коммуникативной теории права, и их дальнейших эволюции и развитии учеными-специалистами в этом направлении юридической науки. Коммуникативное правопонимание в данном ключе является стартовой точкой и катализатором для последующих исследований, оно же обнаруживает определенные ограничения и обозначает ориентиры будущей научной деятельности.

Ценность статьи с позиций теоретической и практической ориентации заключается в том, что материалы и полученные результаты могут быть задействованы в ходе формирования направлений дальнейшей модификации правовой сферы как оптического пространства, накопления эмпирического и когнитивного материала и поощрения дальнейших исследований в данной области, а также при разработке программ учебных курсов преподавания визуального, мультисенсорного права и, как следствие, в увеличении процентном соотношении показателя юридической грамотности населения.

1. Семиотическая наука в рамках научного дискурса

Современную семиотику демонстрируют самые различные направления, диапазон которых разбросан от семиотики общего характера до частных семиотик, к которым имеет прямое отношение, в том числе, и семиотика правовой природы. Тем не менее, несмотря на относительно высокую степень развитости подобного институционального деления, большинство структурных составляющих данной научной дисциплины не обладают общепринятыми концептуальными установками и парадигмальными моделями. В глазах преобладающей части научного сообщества семиотика также рассматривается в качестве «эзотерической субдисциплины» и вводит в

теоретический оборот довольно непростой и по этой причине вызывающий неприятие терминологический аппарат, который в свою очередь непригоден для истолкования [12, 38]. Таким образом, обоснована констатация состояния общего декаданса семиотической науки. Оно объясняется ее претенциозностью в отношении особого положения как метанауки, которая в некотором смысле занимает более высокую нишу в системе иных наук, оперирующих категориями знака [12, 40].

М. В. Ильин обращает внимание на то, что вместе с такими дисциплинами, как математическая и когнитивная наука, а также морфология и компаративистика, «семиотика рассматривается как один из специфических трансдисциплинарных научных органов, которые могли бы брать на себя роли интеграторов, лидеров и посредников в осуществлении социально-гуманитарных исследований» [11, 44]. Данное высказывание лишней раз подчеркивает академическое превосходство семиотики в плееде других наук.

Основоположники семиотики как научного направления Ч. С. Пирс и Ф. де Соссюр разработали две диаметрально противоположные концепции, исследуя ее соответственно в математико-логическом и лингвистическом русле. В первом случае акцент ставился на самом знаке при наличии расширенного взгляда на понимание феномена знака и знакового процесса, во втором – на имплементации методов лингвистики во внелингвистическом поле, при этом большее внимание уделялось процессу коммуникации, нежели знаку как таковому [12, 41].

Развитие взгляды Ч. С. Пирса получили главным образом в исследованиях Р. Кевельзон: его концептуальные установки она трансформировала в составные части организованной правовой семиотики [27, 4]. Ученый рассматривает право как многосложную и диалектичную целостную совокупность знаков и знаковых систем, имеющую место наряду со знаковыми системами иного рода, рождающимися в результате коммуникации индивидов и эволюции социальных институтов. Парадигма же правовой семиотики, по ее мнению, состоит в имплементации формальной, другими словами, критической, деонтической и эротетической логики к аналитическому изучению вербальных актов правового дискурса [27, 6—7].

Актуальные исследования в сфере правовой семиотики демонстрируются столь разноплановыми направлениями, что вряд ли удастся консолидировать их в рамках единообразных научных концептологических рамок и единой научной парадигмы. Это дает возможность определить положение семиотики права как допарадигмальное [12, 57—58]. Некоторые ученые даже подчеркивают невозможность изучить всю историографию правовой семиотики и оценить с критической точки зрения ее воздействие на исследование права и формирование правовой идеологии [29, 382].

Вероятно, последующую трансформацию правовой семиотики и, следовательно, визуализации права, главным образом затрудняет критика периода постмодернизма в отношении сциентизма, фигурирующего в концептах семиотики. В этом отношении изменение данной установки должно осуществляться в основном посредством прагматического анализа как наиболее перспективного раздела семиотики, что в свою очередь позволит переориентировать семиотику на изучение возникновения, передачи и истолкования знаков и знаковых систем, что играет важную роль и для семиотики права в частности.

Таким образом, на современном этапе развития научных знаний актуальным направлением остается создание исследовательских рамок, оптимальных для модификации правовой семиосферы, внутри которой происходит зарождение визуальных правовых аспектов.

2. Общая схема визуализации

В семиотическом дискурсе в целях формирования базового представления о том, как человек воспринимает оптическую информацию, требуется ввести модель, наглядно отображающую и описывающую данный процесс. Эта конструкция была разработана в ходе зарубежного исследования, целиком посвященного структурной правовой визуализации [31, 438—329].

Паттерн общей схемы визуализации [31, 438—329] (см. Рисунок 1) состоит из семи слоев (последний слой представляет собой факультативную стадию). Уровень 1 изображает область идей. Это соответствует учению Платона о том, что идеи первичны для вещей (*universalia ante rem*). Далее расположены слои от 3-го до 5-го, которые выполняют дескриптивную функцию. При этом следует иметь в виду, что текстовые и визуальные описания не тождественны друг другу.

Уровень 2 является основным звеном в данной цепи и отображает такой феномен, как закон, с целью его познания и описания. Этот феномен в свою очередь служит объектом познавательного

процесса или, иными словами, вещью. Он состоит из нескольких элементов и может быть рассмотрен с различных углов, в связи с чем вполне релевантна аналогия с метафорическим кубом, состоящим из 8 вершин, 12 ребер и 6 граней. Уровень 2 соответствует учению Аристотеля о том, что вещи первичны для универсалий (*universalia in re*).

Уровень 3 относится непосредственно к вещи на уровне 2, и, следовательно, описывает ее. Вещь может быть описана с помощью текстов и изображений, сфотографирована и т. д., но, тем не менее, не отражена.

Слой 4 играет роль теоретического базиса. Он структурирует первичные, зачаточные описания на уровне 3, которые могут быть выражены как текстуально, так и графически. Уровень 4 находится на метауровне относительно уровня 3. При этом слой 5 служит метатеорией и находится на метауровне по отношению к слою 4.

Уровень 6 касается модели личности человека. Левое полушарие связано с текстовой и языковой информацией а правое – с ее визуализацией, отсюда достижение гармонии между ними, преодоление этой своеобразной дихотомии есть первостепенная цель. Уровень 7 касается эмоций, то есть носит аффективный отпечаток и, как уже было упомянуто выше, он является комплементарным к шести слоям.

Слой 6 соответствует идеям номиналистов, проповедующим *universalia post rem* и убежденным в том, что науку рождает человеческий разум. Однако Аристотель оспорил бы данное замечание. Тем не менее, оба учения имеют право на существование. Платон проповедовал то, что идеи структурирования имеют первостепенное значение, а его учение можно назвать теорией продуцирования.

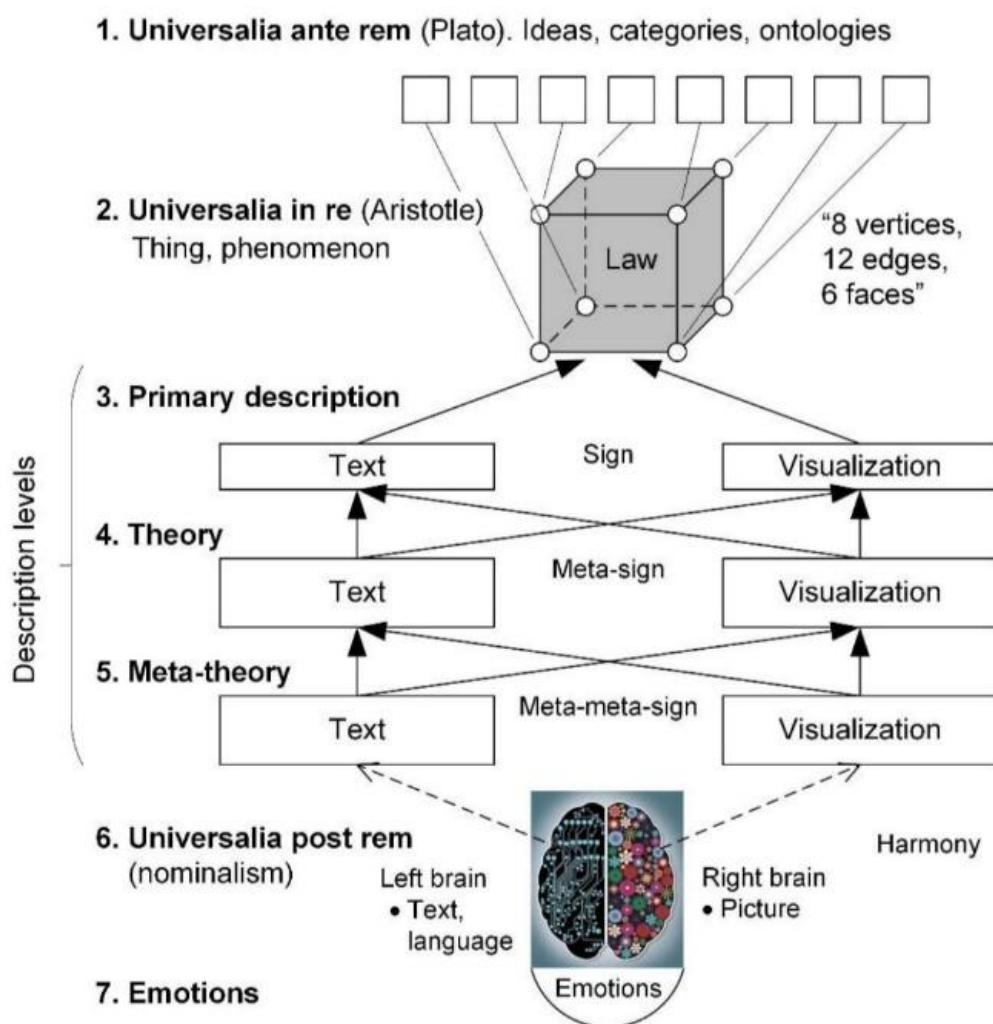

Рисунок 1. Общая схема визуализации

Представляется, проиллюстрированный выше паттерн в некотором роде облегчает понимание процесса формирования визуального семиотического посыла, вместе с тем способствуя упрощению задачи накопления когнитивного опыта в связи с тематикой настоящей работы.

3. Правовая символика и правовая визуализация

Семиосфера как семиотическое или знаковое пространство, заполненное языковыми средствами, создающими оптимальные условия для коммуникации между индивидами в процессе их социального взаимодействия [8, 33], представляет собой поле, где непосредственно происходит формирование и развитие феномена символа.

В первую очередь нужно определить, что представляет собой такое явление, как символ. С целью вывода относительно валидной дефиниции, думается, правомерно прибегнуть к концепции знаковой теории Ч. С. Пирса, который ввел в научный оборот категорию семиозиса [13, 96]. В данном контексте под символом в более узком значении понимается любой коммуникативный знак, обладающий специфическими чертами: он четко выражен и несет смысловой посыл. Иными словами, символ – это форма выражения, расширяющая когнитивные и конативные возможности индивида; это определенная структура знаковой природы, предназначенная для выражения ее имманентного содержания [23, 116]. Он также является важным стимулом для «акселерации» процессов мышления и коммуникации. Лишь отразившись сквозь призму символов, коммуникационные системы имеют право на существование. Последние, в частности, являются гарантом развития культуры и познания. Символы есть средства практического воплощения и применения смыслового содержания. Поэтому они играют колоссальную роль в формировании как индивидуальной, так и коллективной идентичности, служат способом ее выражения. Придавая идентичность группе, они обеспечивают групповую солидарность. Таким образом, современное общество не смогло бы функционировать в условиях отсутствия символической сетки. Данная позиция представляется верной ввиду того, что Ч. С. Пирс в своих рассуждениях восходит от частного проявления семиотики – знака, к наиболее общему, формирующему основы коммуникативного и когнитивного взаимодействия.

Далее говоря о непосредственной взаимосвязи символов и права, изначально перед последним как носителем семиотического естества по своей натуре [18, 49] стояла задача как можно более наглядно и ярко выразить абстрактное содержание юридического текста. Так, правовые символы, как правило, заключены в художественные формы, приводящие индивидов в определенное психоэмоциональное состояние и оказывающие воздействие на эмоциональную составляющую психики человека и опосредованным путем на рациональный и поведенческий аспекты личности [7, 94].

Символизация в праве имеет место быть прежде всего в понятиях, охватывающих весь правовой субстрат и научные доктрины. Более того, визуально воспринимаемые нами объекты взаимосвязаны между собой в пространственном аспекте и не существуют в автономном друг от друга режиме. Понятия правового терминологического аппарата сходным образом образуют определенную систему посредством некоторых классификационных оснований. Данные связи в свою очередь могут быть отображены при помощи определенных визуализационных техник [10, 152—153].

Н. А. Чуйко отмечает, что в рамках научной доктрины выделяется семиотика схем, рисунков и карт (территории муниципального образования), действий (сигналы, подаваемые регулировщиками ГАИ) и знаков (автодорожные, речные, морские знаки), атрибутивная (гербы, флаги, почетная грамота, медаль) и звуковая (сигналы на водном транспорте) семиотика [20, 126].

М. Л. Давыдова выделяет символы, отраженные и закрепленные в официальных источниках права и находящиеся под охраной государства; символы, юридически не зафиксированные, но активно используемые в праве и фактически имеющие к нему прямое отношение (изображение Фемиды как метафорический завуалированный образ правосудия); символы неправового характера, на которые в той или иной степени содержится упоминание в законодательных актах [9, 57].

В контексте освещаемой темы символы служат основным способом выражения визуальных образов. Таким образом, следует обратить внимание на то, что понятие «символизация права» уже, нежели «визуализация права», поскольку последнее аккумулирует в себе и иные оптические формы и приемы экспрессии правового субстрата [20, 126]. Таким образом, можно заметить, что подход Н. А. Чуйко охватывает более широкий семиотический пласт.

Более того, символизация представляет собой тип визуализации, отображающий существенные черты того или иного явления и основанный на коммуникативной функции символа. Тем не менее, вопрос корреляции и терминологического выражения указанных категорий требует осмысления на более глубоком уровне, иными словами, данное соотношение не может принимать

ультимативный оборот.

4. Феномен визуализации в контексте современных правовых исследований

Переходя к этимологическому анализу центрального понятия, необходимо отметить, что само слово «визуализация» производно от термина латинского происхождения «*visualis*» и подразумевает отражение информации в формате наглядного изображения, то есть рисунков, фотографий, структурных схем, таблиц, карт, диаграмм, графиков и т. д. [20, 126]. Визуализация, с одной стороны, есть процесс, совокупность стадий, а с другой – результат этого процесса, финальное звено в цепи восприятия.

В контексте рассматриваемой темы уместно применить выражение «*Vox iurisprudentiae picturae*». Понятие «*Vox*» имеет латинское происхождение и может быть интерпретировано как «голос», «речь», «замечание». Так, «*Iurisprudentia picturata*» или феномен, который условно можно назвать «визуальным правом», в действительности имел определенный вес в научном дискурсивном поле в течение достаточно длительного периода времени. Возникнув в качестве юридической дисциплины, он выступил каналом, посредством которого проявился интерес к изучению права как визуального явления уже в XVII—XVIII вв. [28, 900].

Представляется, применительно к вопросу визуализации мы имеем дело с одним из ответвлений культурной антропологии, а именно с так называемой «экологией визуализации». Последняя своим предметом исследования видит изучение закономерных процессов интеракции индивида с измерением оптических образов [17, 879].

Интерес представляет то, что сам термин «визуализация» как таковой не фигурирует в отечественной наукографии. Консенсуса по данному поводу не достигли также и зарубежные ученые, в трудах которых можно встретить следующие категориальные обозначение рассматриваемого феномена: «визуализация права» или равнозначная ей «правовая визуализация», «визуальная правовая коммуникация», «визуальное право», наконец, «мультисенсорное право» [20, 126].

Термин «визуализация права» был введен в использование по предложению К. Бруншвиц в 2005 году. Позднее возникло понятие «мультисенсорное право» или «мультисенсорная юриспруденция».

Примечательно следующее: автор убеждена в том, что словосочетание «визуализация права» не в полной мере отражает существующий спектр аудиовизуальных и мультисенсорных приемов представления правовой информации [20, 126]. Последнюю можно определить как совокупность юридических данных, которые содержатся как в правовых текстах и материалах, явившихся результатом правоприменительной практики, так в и специализированной юридической литературе и справочных материалах, используемых в процессе правотворчества и правореализации.

Проводя, фигурально выражаясь, мониторинг цифровых процессов прошлого столетия, И. Катш в книге «Право в цифровом мире» [26, 154] отмечает, что человечество является свидетелем перманентной визуализации культуры. Количество графических изображений, знаков, диаграмм, рисунков, графиков, шкал, таблиц, карт, эскизов, чертежей постоянно увеличивается. По мере того, как новые электронные приспособления стимулируют графические, возникают закономерные вопросы следующего содержания. Будут ли качественно новые подходы к визуализации фокусироваться на процессах не только понимания, но и созидания с помощью визуальных средств? Будет ли визуальная культура концентрировать большее внимание на визуальных аспектах подобно тому, как культура печати признает осознанное чтение и написание текста фундаментальными навыками, которые должны занимать основные позиции в учебной программе? Можно ли в новых медиа-средствах сократить дистанцию между «визуальным чтением» и «визуальным письмом», между визуальным потреблением и визуальным производством в той же мере, в которой печать сузила пропасть между чтением и письмом текстуального характера? Вероятно ли, что новые технологии смогут повлиять на установление качественно нового баланса между визуальным потребителем и визуальным производителем? И если это произойдет, то какое влияние это окажет на такое текстоориентированное пространство, как право?

Отличительная черта права в связи с феноменом визуализации состоит в абстрактности правовых текстов: оно заключено в границы, лингвистически не структурированные. Следовательно, первоочередная задача визуализирования состоит в придании лингвистически и синтаксически стройным юридическим терминам и текстам внешней образности.

Таким образом, можно прийти к выводу, что рассматриваемое понятие находится на

промежуточной стадии формирования и впоследствии будет подвергаться модификации и корректировке. Более того, практическое применение оптических средств передачи правовой информации требует дальнейшего усовершенствования и поиска новых путей зрительного воздействия на процесс формирования правового сознания у субъектов права.

5. За гранью вербоцентризма: право не исключительно текстуальный феномен

При рассмотрении данного аспекта темы следует отметить, что И. Катш называет право текстоориентированным пространством [26, 146].

По всей видимости, существуют различные виды правовой визуализации. Так, например, В. Чирас, Ф. Лахмайер и К. Лапин исследуют, в частности, феномен структурной, иными словами, последовательной визуализации права (далее – СПВ), фокусирующейся на оптическом отображении статутного права, а не на правовой фактической составляющей. В контексте проблемы сложности правовой системы в целом и логически вытекающей из этого ограниченной возможности непрофессионала понимать принцип устройства и функционирования правовых институциональных образований и интерпретировать огромный пласт юридических документов речь идет о схематических взглядах, облегчающих понимание смысла правового содержания. Так, СПВ способствует более глубокому проникновению субъекта в юридическую терминологическую сетку, уяснению им значений основных юридических конструкций. Последовательность изображений в СПВ можно сравнить с процессом повествования. Она отлична от визуализации информации и визуализации знаний и относится непосредственно к графическому описанию, а не к информационному дисплею или пользовательским интерфейсам [30, 199].

В зависимости от того, насколько объект визуализации подвержен изменениям или экстернальному воздействию, выделяются две основные разновидности СПВ:

- динамическая, подразумевающая наблюдение объекта в движении с учетом хронологического аспекта, результатом чего является серия изображений, образов во времени, напоминающих демонстрацию фильма;

- статическая, при которой объект не подвержен изменению во времени.

Указанная выше вариация СПВ в свою очередь может разбита на такие подвиды, как:

- анкрементная: акцент смещается на процесс добавления элементов; образ объекта разрастается количественно; подразумевается, что графические элементы должны иметь ссылки на справочную область и описание правового воздействия.

- альтернативная: в данном случае важен процесс изменения фокуса зрителя; пользователь двигается в сторону от общего к частному, то есть, переключает свое внимание с общего обзора на более детализированное умозрение.

В СПВ графические элементы, как правило, через визуальную призму отображают правовые термины и отношения [30, 200]. Данная модель, на мой взгляд, характеризует визуализацию правовой информации как системный феномен и последовательный процесс.

Н. А. Чуйко задается вопросом, могут ли мультимедийные и визуальные приемы трансляции информации являться формой представления правого пространства и использоваться для реализации им своих функций и задач. Исследователь обращает внимание на то, что слово, выраженное как вербально, так и на бумаге, является единственным и потому исключительным средством межличностной и межпоколенной передачи информации [20, 122].

Таким образом, обращение научного экскурса в сторону исследуемой темы побуждает к рассмотрению элементов правовой визуализации и правовых коммуникационных практик в условиях современных тенденций к постепенному становлению информационного общества, перехода к де-факто социальному государству в его подлинном смысле и инновационной электронной экономике. Требования времени побуждают нас к более детальному изучению феномена оптической перцепции юридической информации. По всей вероятности, визуализация правовой информации станет ведущей формой ее отображения и трансляции.

6. Правовая визуализация как результат развития правовой коммуникации

Как уже было упомянуто ранее, правовая коммуникация формирует предпосылочную базу для возникновения такого явления, как визуализация права. Однако какие подходы научного толка существуют к сущности правовой коммуникацией? С. И. Архипов, например, считает, что данный феномен не столько ординарный акт общения, обмен соображениями, сведениями, идеями, сколько особая форма социальной интеракции, отличная от иных ее форм всеобъемлющим характером, поскольку она охватывает всех без исключения участников общественных отношений; она

представляет собой активность по созданию социума как такового [6, 7].

По мнению Е. А. Романовой, правовую коммуникацию можно исследовать с точки зрения автоматического и деятельностного подходов. Согласно первому правовая коммуникация понимается как процесс формирования и транслирования информации со стороны от коммуниканта-инициатора адресату. С позиции последнего правовая коммуникация есть не что иное, как совместная деятельность субъектов коммуникации, в результате которой образуются сходные поведенческие установки и определенный взгляд на правые реалии [19, 29—30].

В науке фигурирует в том числе и нормативно-институциональный подход. В данном случае правовая коммуникация существует как воззрение, согласно которому все правовое взаимодействие в ходе повседневной социальной жизни реализуется и поддерживается с помощью нормативных социальных институтов. При этом право рассматривается как нормативное коммуникативное структурное образование социума, которое опосредует когнитивные и конативные элементы психологии личности, не устрояя при этом свободу человека как возможность выбора вариантов поведенческих паттернов. Правовая коммуникация распространяется на все без исключения формы правового поведения и на все формы нормативного привлечения к ответственности, а также на процессы наделения ее участников субъективными правами и юридическими обязанностями. Данное понятие распространяется также как на позитивное (производное от «государственной машины» право), так и на прочие формы общественного права [5, 15—16].

А. В. Поляков, основоположник отечественной коммуникативной теории права, в попытках интегрировать индивидуалистический и институциональный подходы [14, 217] полагает, что коммуникацию следует рассматривать как первостепенный и основополагающий факт общественной жизни, благодаря которому формируется взгляд на коммуниканта через призму восприятия другого индивида. Так, в границах феноменологического дискурса можно обнаружить исключительно коммуникацию, право же имеет место быть лишь в качестве эпифеномена коммуникации и только в очерченных ею рамках [15, 30].

Правовая коммуникация, рассматриваемая под этим углом, есть процесс интеракции между индивидами, осуществляемой на основе правовых текстов, интерпретируемых, далее обретающих свою институционализацию, социальную легитимацию и создающих посредством межсубъектного взаимодействия нормы права. Непременным условием правовой коммуникации в данном случае служит ее легитимация, подразумевающая как уяснение смысла юридического текста, так и признание его действительности с позиций правомерности и вытекающей отсюда необходимости соблюдать закрепленные в нем нормативные регламентации поведения [16, 207].

Вдобавок, следует отметить, что в отношении того, какими признаками обладает правовая коммуникация также нет единой общепринятой линии.

К примеру, С. И. Архипов в ряд таких отличительных черт ставит субъект права (как отправную точку правовой коммуникации), предмет, корпоративную природу, существование особых «медиаторов» между правовыми субъектами, гармонизирующими отношения и сглаживающими конфликты между ними, специальный процедурный порядок, обоюдную обусловленность и обеспеченность, а также гарантированность принимаемых акторами решений и создаваемых ими правовых актов [6, 8—14].

Е. А. Романова, напротив, полагает, что правовая коммуникация обладает следующими признаками: доступность правовой информации любому субъекту; ее биполярный характер (сочетание императивных и диспозитивных начал); правовая информация обращена к неопределенному числу лиц (ее непсонифицированность) и находит свое закрепление в нормах права; правовая информация изложена в особой языковой форме [19, 30].

А. В. Поляков и М. В. Антонов подходят к данному вопросу более конкретно: они выделяют в качестве черты, определяющей сущностную составляющую правовой коммуникации, ее нормативность [14, 217].

Правовая коммуникация имеет место быть в рамках определенно очерченного поля. Так, для ее результативного осуществления требуются различные каналы трансляции и дистрибуции информации, то есть способы и средства коммуникации [19, 30]. В этом направлении, наряду с понятием правовой коммуникации, также не наблюдается единообразного подхода.

К примеру, Е. А. Романова определяет такие средства правовой коммуникации, как коммуникативные стратегии, тактики и навыки [19, 30].

Н. А. Чуйко в свою очередь, исследуя правовую коммуникацию под углом визуализирования

правовой информации, относит к ее средствам реалистические изображения, картины и фотографии; изображения аутентичных текстов; структурно-логические схемы; инфографику; традиционную изобразительную символику (эмблемы, символы, иконы, пиктограммы); иллюстрации, карикатуры, комиксы; символические и аллегорические изображения; динамические изображения (фильмы, видео, анимация); а также иные визуальные образы [20, 123].

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что правовая коммуникация является собой весьма неоднозначное явление в современной науке. Тем не менее, исходя из имеющегося когнитивного материала, можно сделать вывод, что правовая коммуникация выступает в роли проводника правовой информации, который задействует разнообразные способы трансляции юридически значимого содержания. При этом она представляет собой акт взаимодействия в рамках правового пространства, а следовательно, носит нормативный характер.

7. Феномен визуальных коммуникационных практик относительно правового поля

Не отходя от темы символов, необходимо проанализировать визуальную правовую коммуникацию, вероятно, синонимичную визуализации правового спектра, в культурном аспекте. Как известно, искусство в качестве одного из направлений и продукта высокой культуры может проявляться как визуальное явление. Соответственно, в канве рассмотрения высокой правовой культуры право также в некоторых случаях является собой визуальное явление. Что это означает? В работе «Право и образ», К. Дузинас и Л. Нид считают, что отношения между сферами права и искусства можно аналитически разделить на две составляющие:

- искусство права или способы, посредством которых политические и правовые системы сформировались, а также осуществляли применение и регулирование областей образов и искусства;
- право искусства в объективном смысле, представляющее собой репрезентацию закона, правосудия и других правовых категорий, встречающихся в искусстве [25, 11]. Подобного рода репрезентации могут быть визуальными, вербально-визуальными или вербальными (в случае соотношения, например, права и литературы). Они представляют предмет особой важности в высокой визуальной правовой культуре. Например, здание Европейского суда по правам человека можно считать произведением изобразительного правового искусства [28, 904].

Вышеуказанные аспекты в определенной степени коррелируют с разграничением немецким исследователем К. Релем изображений в праве и изображений права. Поскольку правовые символы могут составлять диспозицию правовых норм, их можно считать изображениями в самом праве [20, 126].

В узком смысле массовая популяризованная правовая культура включает продукты коммерческой направленности (например, фильмы, телешоу или романы) о праве, юристах или правовой системе [22, 4]. Иными словами, под эту категорию подпадают правовые и юридически значимые изображения, публикуемые средствами массовой информации. Такие правовые образы отображают деятельность различных правовых акторов (преподавателей юридических дисциплин, студентов юридических вузов, адвокатов, судей, сотрудников полиции, прокуроров, лиц, участвующих в судебных разбирательствах или по другим государственным или частным правовым вопросам и т. д.). Эти визуальные юридические репрезентации могут также содержать юридические объекты, такие, как движимое и недвижимое имущество, юридические факты (например, заключение договора) и т. д. Указанные явления изучаются в контексте визуальной правовой семиотики [28, 904].

Так, по мнению К. Бруншвиц, практики правовой визуализации, несущие психологическую или психологическую контекстную нагрузку, являются одним из примеров углубления внедрения в правоприменительную практику визуального юридически релевантного контекста. К примеру, адвокаты или медиаторы могут использовать в своей работе ментальные образы, вводя своих клиентов в курс дела. В рамках семейного права эти образы могут наглядно отражать ключевые точки в эскалации конфликта между супругами; эти разногласия в свою очередь имеют, как известно, не только правовые, но и социальные, экономические и психологические аспекты [28, 905]. Два вышеприведенных примера правомерно считать проявлениями юридической визуализации в частной юридической практике. Более того, они тесно взаимосвязаны с таким аспектом когнитивной науки, как психология.

Вряд ли можно подвергнуть сомнению положение о том, что правовая визуализация имеет место и в законодательном процессе. Так, источники права или, вернее сказать, некоторые их положения могут проявляться исключительно как явления визуального характера. В современном

праве образы существуют призрачно, неуловимо на первый взгляд. Юридические тексты как таковые в целом не содержат каких-либо изображений или графики, а учебники и учебные пособия, лишенные изображений, почти символичны для субъекта права. Тем не менее, даже здесь исключение подтверждает правило: наиболее очевидным примером служат правила дорожного движения с изображениями дорожных сигналов. А в области изобретения, патентования и брендинга собственности правовые символы не просто уместны, они незаменимы [28, 906].

Как правило, правовая визуализация в законодательстве обладает юридической силой. Интерес представляет то, нужно ли включать продукты правовой визуализации в содержание будущих законов и, в случае положительного ответа, каким образом осуществить это наиболее оптимально.

Средства массовой информации питают надежды на то, что суды будут информировать широкую общественность о текущих разбирательствах и вынесенных решениях. В ответ на это некоторые суды прибегают к таким мероприятиям по организации связей с общественностью, как создание специальных вебсайтов и выпуск медиа бюллетеней. Наряду с подобной визуальной правовой коммуникацией, К. Бруншвиц отмечает наличие потенциальной возможности существования и судов, практикующих визуальную правовую коммуникацию (так называемые «визуальные судебные связи с общественностью» (visual court PR)). Таким образом, указанное явление будет тесно переплетаться с феноменом электронного правосудия [28, 908], то есть цифровизацией судебной власти в рамках развития электронного государства. Более того, исследователь заостряет внимание и на том, что процессуальное право на самом деле не видит предметом своего изучения использование юридической визуализации в судебных решениях и визуального судебного пиара, а если и исследует его, то в незначительной степени. По крайней мере, неизвестно, существуют ли какие-либо юридические дисциплины, изучающие данные сенсорные явления, кроме, пожалуй, визуальной правовой семиотики [28, 908].

Таким образом, визуализация как явление правовой культуры все прочнее укореняется в правовом пространстве, увеличивая качество взаимодействия между субъектами права.

8. Примеры современной правовой визуализации. Перспективные направления развития визуально-правовых тенденций

Возникновение разнообразных примеров применения визуальных и мультимедийных средств в образовательной, научной, государственной и коммерческой сферах свидетельствует о широком охвате их распространения, а также о постепенном усвоении их юридической наукой.

Относительно недавно в учебных программах правовых школ Соединенных Штатов Америки (далее – США), таких, как университеты Йеля, Пенсильвании, Гарварда, Стэнфорда, Нью-Йорка, были выработаны специализированные курсы по визуальному праву. Существуют и продолжают создаваться аудиовизуальные библиотеки, подобные библиотеке Организации Объединенных Наций по международному праву [20, 126].

Европа и США курируют проекты, касающиеся изображений в праве (визуальное право), аудиовизуальных позиций («аудиовизуальное право») или иных мультимедийных областей («мультисенсорное право»). К таковым относятся, например, «Проект визуального убеждения» в Нью-Йорке, «Проект визуального права» в Йеле, «Визуальные образы и обучение праву» в Уошберне [20, 126].

В Соединенных Штатах в ходе судебных заседаний в целях наглядного представления доказательств находят свое применение экраны и LCD-мониторы. Более того, существуют различные компании, специализирующиеся на визуализации правовой информации, предназначенной для судебных процессов и иных юридических сфер [20, 129].

Значимость развития тенденции к визуальной правовой коммуникации возрастает в условиях постепенного перехода России к инновационной цифровой экономике, становления социально-ориентированного государства, формирования общества постиндустриального типа, предъявляющего высокие требования к правовой информации, которая в свою очередь оказывает влияние на мотивационную составляющую личности субъектов, качество правовых текстов и формы их репрезентации.

Помимо этого, правовая визуализация может выступать в роли способа интеракции властных органов и средств массовой информации в рамках осуществления информационной политики, нацеленной на усовершенствование механизма государственного управления. В данном случае образы могут применяться в качестве средств отображения сущности нормативных предписаний,

адаптированного для широкой общественности.

Также увеличение объемов исследований взаимодействия техник визуализации и права будет способствовать повышению количества когнитивного материала и, как следствие, уровня информированности и образованности в указанном направлении. Как правило, юристы, исполняя свои профессиональные обязанности, зачастую далеки от законодательных актов и специфики оптической репрезентации правовой информации. Однако, по мнению Н. А. Чуйко, они будут вынуждены в скором времени столкнуться с новыми требованиями, предъявляемыми постиндустриальным обществом [20, 130], которое с позиций прагматизма и утилитаризма вынуждено осуществлять поиск решений проблемы разрыва между рядовыми гражданами и профессионалами юридической сферы.

Наконец, во многих учебных заведениях мира поэтапно находят свое применение учебные электронные порталы и курсы, примером чего может служить интерактивный мультимедийный курс «Речевые коммуникации юристов», созданный коллективом авторов Марийского государственного университета [21], успешно внедренный в образовательный процесс. По всей вероятности, в перспективе данный тренд позволит аккомодировать учебный материал к способностям отечественных и зарубежных студентов, у которых возникают сложности с восприятием и усвоением программ юридических дисциплин вследствие ослабления их лингвистической компетенции.

Таким образом, существующие на данном этапе развития правовой сферы тенденции к визуализации правовой информации как в практической, так и в учебной деятельности в современном мире указывают на то, что правовая коммуникация на сегодняшний момент служит неотъемлемым компонентом правовой системы и неотделим от процесса интеракции субъектов права в данной области.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что в настоящей работе был исследован поворот в сторону дальнейшего визуализирования правовой информационной составляющей в рамках процесса правовой коммуникации.

Исходя из вышеизложенного можно, в частности, отметить следующие итоги:

1. Правовая семиотика в рамках семиосферы оптимизирует условия для формирования самого феномена визуализирования и впоследствии визуализации правовых данных.

2. Процесс визуализации, в том числе и визуализации права как такового, включает в себя семь этапов: (1) возникновение идеи; (2) когнитивное осмысление нормативного акта как вещи; (3) его описание; (4) структурирование полученных дескриптивных характеристик и изложение их в виде теории; (5) построение метатеории; (6) подключение мозговой активности в отношении нахождения баланса между текстовым и вербальным изложением правовой информации и ее оптическим восприятием; наконец, (7) эмоциональное отношение к осмысленным данным. Последняя стадия является факультативной.

3. Правовая символика – категория более узкая, нежели правовая визуализация, поскольку второе понятие содержит в себе и иные способы передачи правовой информации.

4. Термин «правовая визуализация» нуждается в дальнейшем развитии и освещении в отечественной литературе, поскольку изучить данную тему в полном объеме без привлечения источников иностранного происхождения на сегодняшний день не представляется возможным. Более того, необходимо осуществлять поиск новых путей отражения сущности правовых норм в контексте их визуализирования.

5. В научном мире происходит переориентация текстоцентрического понимания права в сторону исследования новых направлений правовых коммуникационных практик. Тем не менее, нельзя полностью исключать вербальную коммуникацию, поскольку наибольшая эффективность правового общения будет достигнута посредством задействования и словесных, и образных средств.

6. Визуализация правовой информации явилась следствием развития способов коммуникации и рождения, в частности, правовой коммуникации между субъектами, посредством чего образуются каналы трансляции юридических данных.

7. Тенденция к визуализации права находит свое отражение в деятельности правовых акторов и в правовых текстах, формируя тем самым базис его дальнейшей культурной модификации.

8. Наблюдаемые сегодня примеры визуального выражения юридической информации подчеркивают значимость правовой коммуникации как имманентно присущего правовой системе компонента и свидетельствуют о все более заметном вступлении человечества в стадию

информационного общества. Вдобавок, визуализация права постепенно внедряется в деятельность государства, в сферу образования и Интернет-пространства.

Вероятно, актуальность поднятой в данной статье темы будет поддерживаться в научных кругах в течение длительного времени. К такого рода суждению меня побудили трудности, с которыми пришлось столкнуться в ходе подготовки и проведения исследования, а именно с отсутствием четко определенного терминологического обозначения рассмотренного явления, а также с недостаточным количеством релевантного материала на русском языке, что обнаруживает необходимость проведения отечественных научных исследований, посвященных данной тематике. В связи с этим можно умозаключить, что представителям российского научного сообщества необходимо организовать более тесное сотрудничество со своими зарубежными коллегами с целью наиболее детального и точного изучения представляющего интерес феномена.

Тем не менее, данные пробелы, согласно моим соображениям, так или иначе будут восполнены. К этому обязывают требования цифромодернизма и времени становления информационной стадии развития социума, расширения сферы распространения глобализации и повышения степени готовности стран к международному партнерству.

Библиографический список:

1. Барышников Г. М., Бизяев А. Ю., Моисеев А. А., Почтарь Э. И., Ярмола А. Ю. Шрифты. Разработка и использование. М.: ЭКОМ, 1997. 288 с.
2. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: СПб ун-т, 2004. 864 с.
3. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 845 с.
4. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д.ю.н. в виде научного доклада. СПб., 2002. 35 с.
5. Антонов М. В., Поляков А. В. Правовая коммуникация и современное государство // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 6. С. 214—220.
6. Архипов С. И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. 2008. № 6. С. 7—17.
7. Вопленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4—5. С. 71—73.
8. Гриненко Г. В. Семиосфера и семиотика культуры // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2013. №1. С. 32—39.
9. Давыдова М. Л. Символы в праве и правовые символы: понятие и значение // Правоведение. 2009. № 3. С. 56—63.
10. Ерохина Ю. В., Бороздина Е. А., Ишин А. Ю., Комарова Е. Э., Николаева Е. А., Пихуля Е. А., Придорогина А. Ю., Смирнова П. А. Проблемы интерпретации визуальных образов в сфере права // В кн.: Право и информация: вопросы теории и практики: Сборник материалов международной научно-практической конференции Вып. 7. СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2018. С. 151—163.
11. Ильин М. В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа // Дискурс-пи. Discours-P. 2015. № 1. С. 43—47.
12. Ковкель Н. Ф. Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы // Известия ВУЗов. Правоведение. 2017. № 4. С. 38—59.
13. Коломейцев Е. А. Вопросы теории знака // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3—4. С. 94—99.
14. Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 8—26.
15. Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 27—45.
16. Поляков А. В. Что есть право? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6. С. 199—209.
17. Порозов Р. Ю. Визуализация в культуре: границы понятия и категориальное обоснование // Вестник Башкирского университета. 2013. № 3. С. 878—881.
18. Проскурин С. Г. Эволюция права в свете семиотики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 48—53.

19. Романова Е. А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 4. С. 29—31.
20. Чуйко Н. А. Визуализация права // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 121—131.
21. Речевые коммуникации юристов: Интерактивный мультимедийный курс / Авт.: А. М. Ломоносов, М. Н. Морозов, Т. В. Губаев, С. Н. Соколов. Чебоксары, 2003.
22. Asimow M., Mader S. Law and Popular Culture: A Coursebook. Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 2nd edition, 2007. 357 p.
23. Boehme-Neßler V. Pictorial law: Modern Law and the Power of Pictures. New York: Springer, 2011. 238 p.
24. Butterick M. Typography for Lawyers.: Toronto: Thomson Reuters, 2018. 240 p.
25. Douzinas C, Nead L. Law and the Image: The Authority of Art and the Aesthetics of Law. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 268 p.
26. Katsh E. M. Law in a Digital World. Oxford: Oxford University Press, 1995. 294 p.
27. Kevelson R. The Law as a System of Signs. New York: Plenum Press, 1998. 331 p.
28. Brunschwig C. R. On Visual Law: Visual Legal Communication Practices and Their Scholarly Exploration. Zeichen Und Zauber Des Rechts. Bern: Editions Weblaw, 2014. P. 899—933.
29. Cacciaguidi-Fahy S., Mooney A. The promise of legal semiotics. International Journal for the Semiotics of Law, vol. 22, 2009. P. 381—386.
30. Cyras V., Lapin K. Structural Legal Visualization. Informatica, Lith. Acad. Sci. 26, 2015. P. 199—219.
31. Vytautas Č., Friedrich L., Harald H., Yueh-Hsuan W. Introduction to Legal Visualization. Editions Weblaw, 2018. P. 437—444.
32. Нааpio Н. Visual Law: What Lawyers Need to Learn from Information Designers. Режим доступа: <https://blog.law.cornell.edu/voxpath/2013/05/15/visual-law-what-lawyers-need-to-learn-from-information-designers>, дата обращения 19.09.2020.

Египко Наталия Сергеевна
Egipko Nataliya Sergeevna

Студентка Донского государственного технического университета, юридический факультет.

УДК 341

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF COUNTERING TERRORISM

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы международного сотрудничества государств в противодействии терроризму.

Annotation. The article deals with the questions of international cooperation of States in combating terrorism.

Ключевые слова: терроризм, международное сотрудничество государств, законодательство, террористический акт, противодействие терроризму, международные правовые акты.

Keywords: terrorism, inter-state cooperation states, legislation, terrorist act, countering terrorism, international legal acts.

Одной из актуальных угроз общественного развития последних 50 лет является терроризм. В современное время терроризм является крайне сложным явлением, уже не являющимся только инструментом давления на органы власти и конкретных лиц в целях принятия определенных решений. Терроризм сегодня используется как преступными сообществами, так и спецслужбами, политическими силами для достижения определенных целей. Кроме того, терроризм уже давно вышел за границы национальных государств, приняв глобальный характер.

Несмотря на наличие легального определения терроризма в отечественном законодательстве, среди авторов, исследующих данную тему нет единства мнений относительно понятия терроризма. Не вдаваясь в большое количество подходов, можно привести наиболее универсальное определение терроризма, близкое по своему содержанию к определению, которое дается в федеральном законе "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 N 35-ФЗ.

Терроризм - это способ достижения или одним человеком, или группой лиц, намеченной цели, посредством силового воздействия для устрашения мирного населения, либо создания опасности, повлекшей гибель человека, либо причинение вреда имуществу, как личному, так и государственному [1].

Глобализация и интеграция общественной, экономической и политической жизни коснулась всех явлений и процессов. Не является исключением и терроризм. Развитие современных технологий, ускорение информационного обмена, повышение транспортной доступности, стирание национальных границ и языковых барьеров несет в себе не только положительные, но и отрицательные последствия, выразившиеся в развитии международной преступности, в том числе международного терроризма. Благодаря современным средствам связи и интернету существенно упростился процесс вербовки новых членов террористических группировок, распространения запрещенной литературы экстремистского характера, во всемирной сети сегодня без труда можно найти инструкции по изготовлению взрывчатых веществ, организации террористических актов. Интернет и сотовая связь позволяет лидерам террористических группировок осуществлять организацию терактов, координировать действия многочисленных членов террористических группировок в разных частях света, при этом оставаясь «в тени».

Крупнейшим терактом, совершенным международной туристической группировкой остается атака трех пассажирских самолетов, врезавшихся в здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне 11 сентября 2001 года. В результате трагедии погибло 2977 человек. Несмотря на многочисленные споры относительно природы данного теракта (в том числе и активно продвигающейся версии об участии американских спецслужб в его организации) данный теракт остается наиболее массовым в истории человечества. Ответственность за его совершение взяла на себя международная группировка «Аль-Каида» во главе с Усамой Бен Ладеном.

Помимо этого, преступления, достаточно крупными терактами, совершенными Аль-Каидой стали подрыв грузовиков около посольств США в Кении в 1998 году (224 погибших и около 5000

раненных), взрывы четырех поездов в Испанском Мадриде в 2004 году (191 погибший и 2050 раненных), теракты в Лондонском метро в 2005 году (56 погибших и около 700 раненных), серия взрывов в Аммане в Иордании в 2005 году (67 погибших и 295 раненных) [2].

Помимо Аль-Каиды, существует еще несколько десятков крупнейших террористических организаций, регулярно совершающих резонансные террористические акты. К таким организациям относятся ИГИЛ, Лашкаре-Тайба, Харакат аш-Шабаб, Боко Харам, ХАМАС, Джабхат аль Нусра, Движение Талибан, Аум-Синрикё и др.

Активное развитие международных террористических отношений повышает значимость международного сотрудничества в сфере противодействия террористической угрозе. В течение нескольких десятилетий международное сообщество более или менее успешно пытается объединить усилия для борьбы с этим явлением. Это было также основной причиной, по которой ООН с 1960-х годов приняла ряд конвенций, которые позволили существенно улучшить международное сотрудничество в этой области путем создания своей законодательной базы. До настоящего времени было принято 11 основных международных конвенций, которые определили национальные обязанности и обязательства, тем самым способствуя большей координации сотрудничества (рис. 1)

Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.;

Гагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.;

Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.

Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г.;

Международная Конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.;

Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 г.;

Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.;

Международная Конвенция по борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.;

Международная Конвенция по борьбе с финансированием терроризма 1999 г.;

Международная Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.

Рис. 1. Основные международные конвенции в сфере борьбы с терроризмом

Годы принятия данных конвенций совпадают с возникновением и развитием определенных проблем в сфере террористической угрозы. Так, начало 1960-х гг. связано с активным развитием терроризма на борту воздушных судов, захватом пассажирских авиалайнеров. Это потребовало принятия соответствующих конвенций в целях противодействия преступления, совершаемым на борту воздушных судов – сначала Токийской (1963 г.), а затем Гагской (1970 г.) и Монреальской (1971 г.). Активное развитие международных финансовых институтов, международных платежных систем, облегчивших финансирование террористической деятельности, потребовало принятия международной конвенции по борьбе с финансированием терроризма 1999 г. И, наконец, угрозы террористических группировок, связанные с возможностью применения ядерного оружия обусловили необходимость принятия Конвенции о физической защите ядерного материала 1980 г., а затем и Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.

Помимо международных конвенций, активную роль ООН играет в разработке стратегических направлений противодействия различным видам терроризма. Так, в 1994 г., резолюцией А/

ИЕЯ/49/60 Генеральной Ассамблеи ООН принята Декларация о мерах по ликвидации терроризма. В данном документе содержится призыв для всех государств мира делать все возможное для предотвращения и ликвидации последствий террористических актов, а также обобщаются некоторые положения различных международно-правовых актов, посвященных данной проблематике.

Вместе с тем, еще до недавнего времени на международном уровне отсутствовал основополагающих стратегический документ, регулирующий совместную международную деятельность субъектов, реализующих антитеррористическую политику. Существовали лишь региональные документы, устанавливающие порядок деятельности групп государств в сфере противодействия терроризму. К таким документам можно отнести Европейскую конвенцию о пресечении терроризма 1997 г., Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г., Межамериканскую конвенцию о борьбе с терроризмом 2002 г. и др.

И только в 2006 году на уровне ООН была принята Контртеррористическая стратегия, которая в настоящее время является основополагающим международным документом, направленным на борьбу с терроризмом. В указанный документ входит резолюция, а также план совместных действий государств по борьбе с международной террористической угрозой.

В организационном плане противодействие терроризму осуществляется на уровне контртеррористического комитета ООН в задачу которого входит разработка проектов решений в сфере противодействия терроризму и координация деятельности государств-членов ООН в антитеррористической деятельности [3].

Вместе с тем, международное сотрудничества в сфере противодействия терроризму не ограничивается деятельностью ООН. В настоящее время активную роль играют и иные организации (прежде всего региональные) в функции которых входит в том числе и осуществление антитеррористической деятельности. Так, к примеру, важную роль играет «Группа Семи» - международный клуб в состав которого входят ведущие в экономическом, военно-политическом плане европейские государства (Германия, Великобритания, Франция, Италия), а также США, Канада и Япония. До 2014 года в состав группы также входила и Россия, которая вышла из состава G8 после присоединения Крыма к России. На повестке дня группы часто находятся вопросы международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму. Так в 2006 году для обеспечения координация деятельности группы в сфере противодействия терроризму была принята «Декларация саммита «Группы восьми» о борьбе с терроризмом». В декларацию были включены различные вопросы в данной сфере, в том числе касающиеся финансирования терроризма, усиления роли гражданского общества в профилактике терроризма, предупреждения терактов на энергетических объектах и т.д.

Кроме G7 большое значение играют и иные региональные институты. Среди них стоит выделить комиссию по борьбе с терроризмом Совета Европы, Антитеррористический Центр СНГ, Региональную антитеррористическую структуру Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) и др.

Таким образом, В настоящее время вопросы международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму входят в компетенцию большого количества международных организаций, созданных при них специальных антитеррористических органов. При этом ведущая роль в деле разработка единых основ международной антитеррористической, координации деятельности различных государств в сфере противодействия терроризму принадлежит ООН и ее специализированным органам в рамках которых осуществляется разработка и принятия важнейших международных документов и решений в рамках международной антитеррористической политики.

Библиографический список:

1. Старовойтова С.С., Черников С.Ю. Международный терроризм, основные пути борьбы против международного терроризма на современном этапе//Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2019. № 1 (17). С. 64-71.
2. Пасынков Р.А. О международном сотрудничестве по противодействию международному терроризму//В сборнике: Роль и место информационных технологий в современной науке Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2016. С. 94-99.
3. Езикян В.И., Назаров И. Проблемы противодействия международному терроризму//В сборнике: Российское государство и право: история и современность Сборник статей преподавателей

и студентов направления подготовки «Юриспруденция». Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова . Новочеркасск, 2016. С. 81-89.

Черменинов Алексей Геннадьевич
Chermeninov Alexey Gennadievich
Магистрант ФЗДО ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

УДК 343.35

**ОТГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ
ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ИНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ**

**LIMITATION OF THE COMPOSITION OF MISUSE OF OFFICIAL POWERS FROM OTHER
COMPOSITIONS OF CRIMES AGAINST THE INTERESTS OF THE PUBLIC SERVICE AND
SERVICE IN THE LOCAL GOVERNMENT**

Аннотация: В статье проведено исследование проблемы отграничения состава злоупотребления должностными полномочиями от иных составов преступлений против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Автор выявил основные критерии отграничения состава злоупотребления должностными полномочиями от иных составов преступлений против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления

Resume: The article examines the problem of delimiting the composition of abuse of office from other elements of crimes against the interests of the civil service and service in local government. The author identified the main criteria for delimiting the composition of abuse of official powers from other elements of crimes against the interests of public service and service in local self-government

Ключевые слова: отграничение, злоупотребление должностными полномочиями, преступления против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Key words: delimitation, abuse of office, crimes against the interests of public service and service in local government bodies.

В правоприменительной практике возникают вопросы, которые связаны с отграничением преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, от смежных составов преступлений.

Квалификация преступлений в уголовном праве имеет огромное значение. От нее зависит выбор судом вида и размера наказания, а также условия отбывания наказания, основания для условно-досрочного освобождения, сроки погашения судимости и др. Неправильная квалификация влечёт ряд негативных последствий, в том числе и уголовно - процессуальных. Следовательно, изучение вопросов квалификации необходимо для правильной правоприменительной деятельности.

Следует отличать смежные нормы от конкурирующих норм, данная необходимость обусловлена тем, что при конкуренции норм совершенное преступное деяние попадает сразу под несколько уголовно-правовых норм, которые содержат запрет на совершение определенного действия или бездействия, смежные составы же имеет несколько общих признаков, но различаются по другим признакам. По этому поводу высказывался А.М. Зацепин: «Смежные нормы характеризуются тем, что они по одному или нескольким признакам отличаются при совпадении остальных».

Отличающийся признак обязательно должен быть разного значения, несовпадающим, при этом отличающийся признак не должен находиться в соотношении части и целого либо общей и специальной нормы. В противном случае будут конкурирующие нормы, а не смежные» [5, с. 85].

При отграничении злоупотребления должностными полномочиями от превышения должностных полномочий, необходимо в первую очередь точное выяснение пределов полномочий должностного лица, а также установление нарушений этих полномочий.

Первым отличительным моментом будет то, что в случае злоупотребления должностными полномочиями, должностное лицо незаконно, вопреки интересам службы использует предоставленные ему права и обязанности, а при превышении должностных полномочий, лицо совершает действия, явно выходящие за пределы его полномочий. На данный факт обратил

внимание Д.А. Смирных: «от злоупотребления служебными полномочиями превышение служебных полномочий отличается тем, что в первом случае должностное лицо действует в формальных пределах своей компетенции, но вопреки интересам службы, а во втором имеет место формальный выход за пределы своих полномочий» [7, с. 182].

Вторым отличием является, то, что злоупотребление должностными полномочиями возможно, как путем действий, так и бездействий, а превышение должностных полномочий возможно только путем совершения активных действий. Однако, есть точка зрения, С.В. Смеловой, что превышение должностных полномочий, может выражаться как в форме действия, так и бездействия, в качестве примера, приводится случай, когда начальник следственного изолятора выносит постановление об освобождении из-под стражи, а данное постановление не исполняется [6, с. 94].

По мнению автора, с данной позицией нельзя согласиться, поскольку даже в диспозиции ст. 286 УК РФ, законодатель указывает, совершения данного деяния путем «действий», что нельзя трактовать как «бездействие», а также, если обратиться к буквальному толкованию слова «превысить» то оно означает «выйти за пределы своих прав, полномочий» [8, с. 673], что невозможно сделать без совершения активных действий.

Третьим отличием, на которое следует обращать внимание при квалификации преступных деяний, будет установление или не установление признака субъективной стороны - корыстная или иная личная заинтересованность. При квалификации преступного деяния по ст. 285 УК РФ данный признак обязателен для установления, при превышении должностных полномочий, данный мотив не является обязательным, то есть он может иметь место быть, а может отсутствовать.

Таким образом, при ограничении злоупотребления должностными полномочиями от превышения должностных полномочий, очевидны отличия по объективной и субъективной сторонам преступления, которые необходимо устанавливать при квалификации преступного деяния, данные обстоятельства не позволяют конкурировать данным нормам, следовательно, преступления являются самостоятельными.

Ограничение злоупотребления должностными полномочиями от злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) тоже имеет свои особенности. Отличаются данные составы преступлений по объекту и субъекту преступления, незначительные отличия имеются по объективной и субъективной стороне преступления.

Отличаются рассматриваемые составы по объекту преступления, связано это с нахождением статей в разных главах УК РФ, следовательно, и разными общественными отношениями, на которые направлена уголовно- правовая защита. Объектом преступления ст. 201 УК РФ является нормальное функционирование коммерческих и иных организаций, и их управленческого аппарата, а объектом преступления ст. 285 УК РФ является нормальное функционирование конкретных органов государственной власти, интересы государственной службы и органов местного самоуправления.

Так, отличием рассматриваемых преступлений являются защищаемые интересы. Так, статья 285 УК РФ направлена на защиту интересов публичного аппарата, Вооруженных сил, других войск и воинских формирований, в то время как статья 201 УК РФ направлена на защиту исключительно коммерческих и иных организаций. Дополнительный объект анализируемых преступлений является идентичным и был рассмотрен ранее.

Понятие лица, осуществляющего управленческие функции в коммерческой или иной организации данное в примечании 1 к ст. 201 УК РФ, позволяет идентифицировать и отделить его от субъекта ст. 285 УК РФ.

Так, субъект преступления злоупотребление полномочиями, в отличие от субъекта ст. 285 УК РФ, не обладает соответствующим статусом, не реализует государственное или муниципальное управление, другими словами не призвано обеспечивать публичные интересы. Наделение лица организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями в организациях не являются идентичными функциям должностного лица связано это с их индивидуальной правовой природой.

В объективной стороне данных преступлений не имеется большой разницы, они отличаются лишь по законодательной формулировке, так в ст. 201 УК РФ законодатель использует термин «законным» интересам этой организации, а в ст. 285 УК РФ «вопреки интересам службы». Следует понимать, что отдельной смысловой нагрузки это не имеет, законодатель лишь конкретизирует, что в коммерческих и иных организациях деятельность должна протекать в рамках закона, а в деятельности публичного аппарата это подразумевается. Верно, отмечает А.О. Далгатова, что: «к

законным интересам относится и соблюдение порядка деятельности данной организации всеми субъектами отношений с ней, включая процедуру заключения сделок, предоставления услуг, поддержание расчетной дисциплины, соблюдения различных условий и факторов, определяющих конкурентоспособность данной организации» [4, с. 41].

Субъективная сторона рассматриваемых преступлений имеет некоторые различия. В науке уголовного права мнения авторов разнятся о субъективной стороне преступления злоупотребление полномочиями. Так, некоторые ученые высказывают мнение о том, что субъективная сторона преступления характеризуется прямым и косвенным умыслом субъекта преступления и специальной целью в виде извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам. Такую позицию поддерживает В.Л. Андреев [1, с. 14].

Считаем, что с данной позицией нельзя согласиться, так как указание законодателя на цель совершения преступления является безусловным доказательством прямого умысла. С данной точкой зрения солидарны В.И. Гладких, В.С. Курчеев [3, с. 400].

Мотив преступления - корыстная или иная личная заинтересованность является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, в то время как цель может быть любой. Прямо противоположная ситуация обстоит в ст. 201 УК РФ, так как законодатель конкретизирует цель - извлечения выгод или преимуществ для себя или других лиц, либо нанесения вреда другим лицам, это является обязательным признаком состава преступления, а мотив преступления может быть любой.

Ограничения злоупотребления должностными полномочиями от получения взятки имеет свои особенности, поскольку получение взятки есть специальный вид злоупотребления должностными полномочиями.

Признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ и ст. 290 УК РФ во многом совпадают, что вызывает сложности в правоприменительной практике при их отграничении.

Для обоих преступлений характерно посягательство на один и тот же объект - общественные отношения, связанные с нормальным функционированием аппарата публичной власти. Единым также является субъект преступления - должностное лицо - лицо. Но субъектом получения взятки может быть также иностранное должностное лицо, должностное лицо публичной международной организации.

Состав злоупотребления должностными полномочиями - материальный. В данном случае обязательным является наступление общественно-опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Состав получения взятки является формальным - для признания преступления окончательным обязательно лишь получение взятки, наступление последствий не является обязательным признаком.

При получении должностным лицом услуг неимущественного характера без оплаты таковых взяткодателем и не имеющих денежного эквивалента нельзя расценивать их предметом взятки. В таком случае имеет место злоупотребление должностными полномочиями.

Существенное значение для разграничения злоупотребления должностными полномочиями и получения взятки имеет содержание умысла виновного. Совершение данных преступлений с субъективной стороны возможно только с прямым умыслом. Однако корыстная цель преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ - это альтернативный признак., при получении взятки же является обязательным признаком.

Если должностное лицо получает деньги, имущественные услуги, иные выгоды имущественного характера за оказываемые им действия по службе, то деяние квалифицируется как получение взятки. Если же должностное лицо оказывает такие действия по службе другому лицу с использованием своих должностных полномочий из иной личной заинтересованности, то содеянное квалифицируется как злоупотребление должностными полномочиями.

Если сознанием виновного охватывается тот факт, что материальные ценности передаются ему незаконно и за определенное поведение в пользу дающего их, а также то, взяткодатель осознает факт передачи им незаконного вознаграждения и именно за действия (бездействие) должностного лица в его пользу, налицо получение взятки. Если же такое сознание у должностного лица отсутствует, то его действия квалифицируются как злоупотребление.

При квалификации преступления как злоупотребление должностными обязанностями закон подразумевает только то, что действие (бездействие) должностного лица, которое определено его

полномочиями и связывалось с осуществлением прав и обязанностей, которыми надделено должностное лицо занимаемой должностью. Данное действие при получении взятки является лишь одним из вариантов поведения должностного лица.

Касаемо попустительства и покровительства по службе на безвозмездной основе или при личной заинтересованности должностного лица, это квалифицируется как злоупотребления должностными полномочиями. Что же касается покровительства и попустительства по службе, поведение субъекта преступления квалифицируется как получение взятки, только при условии получения выгоды материального характера.

Таким образом, несмотря на совпадения объекта, и субъекта преступлений, отграничение взятки от злоупотребления должностными полномочиями следует производить по цели, по составу, по объекту, по форме правонарушения.

Отграничение данных составов преступлений необходимо проводить, прежде всего, по субъективной стороне. Злоупотребление должностными полномочиями - преступление умышленное, а халатность - неосторожное преступление. Проблема состоит в том, что субъективная сторона халатности имеет сложное наполнение.

Тяжело согласиться с точкой зрения В.Н. Боркова, что «при халатности должностное лицо уклоняется от исполнения обязанностей не преднамеренно, что характерно для злоупотребления должностными полномочиями, а по забывчивости, невнимательности или в силу отсутствия должной подготовки» [2, с. 41].

Субъективная сторона халатности как преступления с материальным составом включает отношение виновного к бездействию и его общественно опасным последствиям. Отношение должностного лица к неисполнению обязанностей может быть различным. В одном случае должностное лицо может намеренно, осознанно не исполнять свои обязанности, в другом - забыть о необходимости совершить те или иные действия по службе, т.е. не осознавать, что нарушает возложенные на него обязанности. Как правило, должностное лицо осознанно не исполняет свои обязанности. При этом не исключается, что должностное лицо не исполняет их с целью получения имущественной выгоды или выгоды нематериального характера (корыстная или иная личная заинтересованность).

Объективная сторона халатности характеризуется бездействием должностного лица, либо ненадлежащим действием, злоупотребление должностными полномочиями может выражаться в форме действия и бездействия, это будет одним из отличий. При квалификации преступного деяния по ст. 293 УК РФ также, как и в ст.285 УК РФ, необходимо установить обязанности виновного должностного лица, так как совершенное бездействие или ненадлежащее действие, которое лицо должно было совершить надлежащим образом, должно входить в его полномочия.

Таким образом, отграничение злоупотребления должностными полномочиями от халатности, можно провести по объективной стороне и в зависимости от отношения виновного к общественно опасным последствиям деяния.

Разграничение квалификации между ст. 285 и 286 УК РФ проводится как по объективным признакам состава преступления, его объективной стороне, так и по субъективным признакам - направленности умысла и мотивов совершенного преступления. При злоупотреблении должностными полномочиями лицо действует в рамках предоставленных ему должностных прав (полномочий), однако использует их для незаконных целей. При превышении должностных полномочий лицо выходит за рамки предоставленных ему должностных прав (полномочий), совершает действия, которые не входят в круг его прав и обязанностей. Если злоупотребление должностными полномочиями совершается по мотивам «корыстной или иной личной заинтересованности», то превышение должностных полномочий, хоть и совершается умышленно, но мотив и цель преступления, как уже отмечалось ранее, квалифицирующего значения не имеют, мало того: как правило, мотивом являются ложно понятые интересы службы.

Библиографический список:

1. Андреев В.Л. О проблемных вопросах квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1. С. 14.
2. Борков В.Н. Разграничение халатности и злоупотребления должностными полномочиями // Законодательство и практика. 2014. № 1. С. 41.

3. Гладких В.И., Курчеев В.С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник. М: Новосибирский государственный университет, 2015. С. 400.
4. Далгатова А.О. Предупреждение злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях // Евразийский юридический журнал. 2015. №3. С. 41.
5. Зацепин А.М. Конкуренция норм уголовного права и квалификация преступлений // Право. 2014. №2. С.85.
6. Смелова С.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий. Монография. Вологда, 2012. С. 94.
7. Смирных Д.А. Проблемы детерминации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // Общество и право. 2011. № 2. С. 182.
8. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2012. С. 673.

Дегтерева Екатерина Андреевна
Degtereva Ekaterina Andreevna

Студент «Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)», юридического факультета магистратуры

УДК 343.11

ПЕРЕСМОТР РЕШЕНИЙ АПЕЛЛЯЦИОННЫМИ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

REVIEW OF DECISIONS BY APPELLATE COURTS GENERAL JURISDICTION COURT

Аннотация: В статье рассматриваются основные изменения, связанные с созданием в Российской Федерации апелляционного суда общей юрисдикции. Анализируются возникшие проблемы, мешающие эффективности деятельности данного органа.

Автором отдельное внимание уделяется предложениям по совершенствованию законодательства в области возникших проблемных вопросов.

Annotation:

The article discusses the main changes related to the creation of the court of appeal of General jurisdiction in the Russian Federation. The problems that have arisen that hinder the effectiveness of this body are analyzed.

The author pays special attention to proposals for improving legislation in the field of problematic issues.

Ключевые слова: Общая юрисдикция, апелляционное производство, решения, пересмотр, законодательство.

Keywords: General jurisdiction, appeal proceedings, decisions, review, legislation.

Сравнительно недавно в судебной системе произошел ряд изменений. А именно был принят Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» [1] и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции». Примечательно к данной теме в соответствии с указанным актом было принято пять судов апелляционной инстанции общей юрисдикции. Соответственно, в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, Нижнем Новгороде и Новосибирске.

Апелляционным судам общей юрисдикции отводилась основная функция по пересмотру в апелляционном порядке решений высших судов республик, краевых, областных судов, судов автономной области, автономных округов, городов федерального значения, а также окружных (флотских) военных судов.

В настоящее время судом апелляционной инстанции для приговоров и иных судебных решений всех этих судов являются соответственно Судебная коллегия по уголовным делам и Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации.

Создание апелляционных судов общей юрисдикции должно облегчить процесс пересмотра уголовных дел ближе к месту рассмотрения его в первой инстанции. Также такое установление поможет в большей мере обеспечивать право осужденного на защиту.

Однако одного установления таких рассматриваемых судов недостаточно. Для того, чтобы их работа была наиболее эффективной и результативной для начала необходимо решить ряд проблемных вопросов, которые в значительной степени тормозят действенное функционирование таких органов.

Во-первых, первоначальное определение юрисдикции апелляционных судов должно быть в некоторой степени скорректировано. Для апелляционного суда общей юрисдикции, находящегося в Санкт-Петербурге установлен достаточно широкий регион действия. Данный факт в значительной мере может затруднять деятельность защитников, принимавших участие в суде первой инстанции.

Также весьма проблемным в данной случае встает вопрос пятого суда, который расположен в Новосибирске. Юрисдикция апелляционного суда этого региона распространяется на большую территорию, где установлен разный часовой пояс. В связи с этим осложняется проведение судебных заседаний [3, с. 38].

Во-вторых, важное место в обеспечении конституционного права на пересмотр решения вышестоящим судом занимает участие прокурора.

Законодательством устанавливается обязательное участие прокуроров по всем уголовным делам, в том числе и в апелляционной инстанции. Участие прокуроров в делах, в некоторой степени, имеет исторические корни, так как практически во все времена предусматривалось их прямое или косвенное участие в процессе.

Вносимые в законодательство изменения поставят достаточно значимый вопрос о том, как же все-таки прокуроры будут принимать участие при рассмотрении дел в апелляционном суде общей юрисдикции.

Представляется необходимым создание специализированных апелляционных отделов в структуре Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Такие отделы целесообразно должны располагаться по месту нахождения конкретного апелляционного суда общей юрисдикции.

И.С. Дикарев относительно рассматриваемой проблемы предлагает предоставить вышестоящему прокурору полномочие отзывать представление, внесенное нижестоящим прокурором [2, с. 212—245].

Представляется, что это вполне возможно в силу инстанционности уголовного процесса, отсутствия в указанной стадии непосредственного исследования доказательств по уголовному делу, принятия решения на основании установленного существенного нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона.

В заключение необходимо отметить, что создание апелляционных судов общей юрисдикции является достаточно новым для судебной системы Российской Федерации. При этом, нельзя не учитывать достоинства такого преобразования, которые помогут всей системе функционировать эффективнее, а также обеспечивать законные права и интересы осужденного лица.

Однако нужно учитывать, что такие новшества имеют еще ряд проблемных аспектов, решение которых должно быть проведено.

Библиографический список:

1. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ // base. garant. ru (дата обращения: 30.09.2020).

2. Дикарев И.С. Надзорно — кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2016. – 347 с.

3. Халиулин А.Г. Проблемы пересмотра приговоров апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 37-39.

Научное издание

Коллектив авторов

Сборник статей LXX Международной научной конференции «Свобода и право»

ISBN 978-5-6040934-2-9

Научный юридический журнал «Юридический факт»
Кемерово 2020